

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Белое золото. Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Белое золото. Повесть / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 138 с.

ISBN 978-5-519-95251-4

ISBN 978-5-519-95251-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Давно бы такъ-то... Холодной-то водой вотъ какъ обдереть, а каша, братъ, сейчасъ готова... Любишь горячую кашу хлебать, пострѣль? То-то...

Землянка Ковальчуковъ приткнулась на самой обочинѣ (бокѣ) небольшого увала, упиравшагося въ небольшую горную рѣчку Мартьянъ. Мѣсто было выбрано старымъ дѣдомъ сухое, а главное — веселое. Отъ землянки открывался великолѣпный видъ на весь Авроринскій приискъ, на которомъ добывали платину вотъ ужъ тридцать лѣтъ. Сейчасъ за рѣчкой Мартьяномъ разлеглась лѣсистая горка Момыниха, и изъ-за нея синѣла вершина горы Бѣлой, точно громадная коврига хлѣба. Поправѣе горбилась Соловьева гора, и теченіе Мартьяна раздавалось, точно вода раздвигала стѣснявшіе его горы, пригорки и увалы. Работы шли по теченію Мартьяна, насколько хваталъ глазъ. Земля была изрыта по всѣмъ направленіямъ, а вода катилась совсѣмъ мутная, унося съ собой глину отъ промывки. По обоимъ берегамъ, какъ птичьи гнѣзда, лѣпились землянки, балаганы и просто шалаши старателей, а налѣво виднѣлась главная приисковая контора. Раннимъ лѣтнимъ утромъ на горахъ холодно, и Мартьянъ долго кутается въ волокнистую пелену тумана. Когда-то еще солнце обсушитъ росу и подберетъ этотъ туманъ. У старательскихъ балагановъ вездѣ дымятся огоньки, изъ лѣсу доносится перезвонъ лошадиныхъ боталъ, гдѣ-то лѣниво лаетъ собака,—начинается рабочій приисковый день.

У огонька передъ землянкой Ковальчуковъ хмуро

сидѣло нѣсколько мужиковъ; сынъ-большакъ, отецъ Кирюшки, зять Фролъ и подростокъ Ефимъ. Всѣмъ хотѣлось спать, а работа не ждетъ. Бабъ было три—мать Кирюшки, Дарья, жена Фрола, Марья, и сестра Кирюшки, Анисья, молодая дѣвушка. Марья возилась въ сторонкѣ со своимъ ребенкомъ. Дарья варила кашу. Анисья починала дѣдушкѣ чекмень. У Дарьи сейчасъ было сердитое лицо. Это была такая серьезная заботливая женщина, которою держался весь домъ. Семья Ковальчуковъ жила бѣдно и кое-какъ перебивалась: было о чемъ подумать, когда за обѣдъ садилось восемь душъ. Одного хлѣба не напасешься, не говоря ужъ о харчахъ и приваркѣ. И сейчасъ Дарья сердилась на то, что охотникъ Емелька притащился совсѣмъ не во-время. Дѣдъ Елизаръ, навѣрно, позоветъ его ѣсть, а варево впередъ рассчитано по ложкамъ.

„Шалый человѣкъ...—сердито думала Дарья, размѣшивая въ котелкѣ разварившуюся кашу.—Не охота работать, вотъ и шляется по лѣсу. И шелъ бы своей дорогой, а то къ чужому вареву подсѣлъ. Нѣтъ стыда-то, вотъ и сидитъ“...

Дѣйствительно, чего боялась Дарья, то и случилось. Дѣдъ Елизаръ, когда сняли котелокъ съ огня, проговорилъ Емельяну:

— Похлебай съ нами каши-то, Емельянъ... Оно хорошо горяченькаго поѣсть.

— А ужъ не знаю, право...—отвѣтилъ Емельянъ, глядя въ сторону; ему ѣсть хотѣлось и было немного совѣстно.—Пожалуй...

Вся семья усѣлась на травѣ. Ъли кашу прямо изъ котелка, тщательно облизывая ложки. Говорить за ѣдой не полагалось. Кирюшка ѣлъ за большого и все смотрѣлъ на Емельку, котораго давно зналъ. Да и кто его не знаетъ въ Висимѣ? Емелькѣ было ужъ подъ шестьдесятъ. Въ бородѣ всѣ волосы посѣдѣли, а всѣ его считали ненастоящимъ мужикомъ. Такъ, просто, Емелька. Сегодня одно поработаетъ, завтра другое, а потомъ пропадетъ недѣли на двѣ въ горы на охоту,—какой же это настоящий мужикъ? И одѣвался онъ, какъ нищій: рваный армячишко, рваная шапчонка, рваные сапоги, а то и лапти. Емелька жилъ бобылемъ и меньше всего на свѣтѣ обращалъ вниманія на самого себя. Жилъ онъ, какъ птица небесная, не заботясь о завтрашнемъ днѣ.

— Куда поволокся-то, Емельянь? — спрашиваетъ дѣдъ, откладывая свою ложку.

— А на Осиновую гору... — неохотно отвѣтилъ Емелька, не любившій такихъ разспросовъ, когда шелъ на охоту,—какъ разъ сглазятъ.—Меня тамъ дьячокъ Матвѣичъ ждетъ...

— Оленей будете гонять по лѣсу?

— Какіе тамъ олени...

Емелька нахмурился и замолчалъ. А потомъ поднялся и сурово проговорилъ:

— А ты бы, дѣдушка Елизаръ, какъ-нибудь зашелъ ко мнѣ... Поговорить надо. А то къ Матвѣичу заверни въ воскресенье...

— Ладно, какъ-нибудь удосужусь...

— Спасибо за хлѣбъ, за соль, — проговорилъ Емелька, поднимая съ земли свое ружьишко. — Мнѣ пора... Такъ ты тово, дѣдушка Елизарь...

— Ладно, ладно.

Емелька, не торопясь, зашагалъ подъ гору. Ноги у него были кривыя, и онъ ихъ тащилъ, точно шель на чужихъ ногахъ. Мужики проводили его съ улыбкой, а потомъ отецъ Кирюшки сказалъ, обращаясь къ бабамъ:

— Эхъ, бабы, не догадались вы... Надо бы которой дорогу ему перейти, — не пошелъ бы онъ на охоту, а воротился домой. Дьячокъ-то и не дождался бы...

— Слышь, дѣло у него есть! — поддакнулъ зять Фролъ. — Тоже и скажетъ человѣкъ...

— Безстыжіе глаза, — ворчала Дарья. — Я и то обсчиталась съ кашей-то, Кирюшку забыла, а тутъ еще Емельку принесло.

Дѣдъ Елизаръ не любилъ, когда за глаза говорятъ про людей, нехорошо, и строго замѣтилъ:

— Вы у себя во рту зубы считайте, а Емельяна оставьте. Вѣдь никого, славу Богу, онъ не обидѣлъ, — ну, и молчите. У каждаго свое дѣло есть... Ну, Кирюшка, пора, братъ, на работу. Каши приисковой ты наѣлся, а теперь отвѣдай приисковой нашей работы... Давно на приискъ просился.

Старикъ пошелъ къ приисковой таратайкѣ (телѣжкѣ на двухъ колесахъ), къ которой привязана была чалая лошадь и, не торопясь, началъ ее обряжать: надѣлъ

хомуть и шлею, завелъ въ оглобли, заложилъ дугу и, покряхтывая, затянулъ супонь. Кирюшка въ это время успѣлъ надѣть сѣделку и перекинуть черезсѣдельникъ. Чалко не любилъ, когда подтягивали черезсѣдельникъ, и лягался задней ногой.

— Не любишь... а?—ласково ворчалъ старикъ, захлестывая ремень вокругъ оглобли.—Не любишь, говорю? Ахъ, ты, прокурать... Ну, Кирюшка, садись на козлы, а я бариномъ сяду въ таратайку.

Старикъ съ трудомъ забрался въ телѣжку, а Кирюшка занялъ свое мѣсто на деревянномъ облучкѣ. Чалко не заставлялъ себя понукать и рысцей побѣждалъ по маленькой дорожкѣ подъ гору,—онъ зналъ, куда нужно было ѣхать. Дѣдъ Елизаръ стоялъ на ногахъ, придерживаясь одной рукой за грядку таратайки, а другой защитилъ глаза отъ солнца. Онъ смотрѣлъ на пріисковую дорогу, огибавшую Момыниху, и думалъ вслухъ:

— Ишь, какъ вышагиваетъ Емельянь-то... Видишь его, Кирюшка?

— Вижу, дѣдушка.

— Зачѣмъ человекъ обижать?... Не объѣлъ онъ насъ, а Дарья ворчитъ. Хлѣбъ-соль—заемное дѣло... Брось кусокъ хлѣба назадъ, а онъ впереди тебя очутится. Вотъ какъ сказывали старинные люди.

II.

Дѣлянка Ковальчуковъ была въ полуверстѣ отъ землянки, такъ что было видно все, что дѣлается

„дома“, и наоборотъ. Кирюшка попалъ на пріискъ въ первый разъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ кругомъ.

— Дѣдушка, кто же столько земли изрылъ?—спрашивалъ онъ, оглядывая старые свалки и отвалы, глубокія ямы, канавы и забои.

— А все мы же, Кирюшка,—не безъ самодовольства объяснилъ старикъ.—Наша работа... На барина было прежде достаточно пороблено, а теперь робимъ на себя. Што добылъ, то и твое...

Отвалами и свалками на промыслахъ называются тѣ земные валы, которые образуются изъ верхнихъ пластовъ земли, не содержащихъ драгоцѣннаго металла,—это пустая порода, или туфы, какъ говорятъ рабочіе,—и изъ промытыхъ песковъ и галекъ. Забой—глубокая яма, изъ которой добываютъ пески.

— Ишь, какъ Бѣлохвосты поворачиваютъ!—похвалилъ старикъ, когда они проѣзжали мимо одной старательской дѣлянки.—Эй, здравствуй, Архипъ...

Изъ четырехугольной глубокой ямы отвѣтилъ рыже-бородый и кривой на лѣвый глазъ мужикъ:

— И ты здравствуй... Новаго старателя везешь?

— Около того...

— Что же кошку не посадишь править?..

Кирюшка зналъ Бѣлохвостова и обрадовался, когда къ забою подъѣхалъ на таратайкѣ мальчикъ лѣтъ десяти, младшій сынъ Бѣлохвоста.

— Здорово, Тимка...

— Здравствуй...—отвѣтилъ равнодушно Тимка.—Робить пріѣхалъ?

— Робить...

Забой у Бѣлохвостовъ былъ выстроенъ не такъ, какъ у Ковальчуковъ. Яма въ четыре квадратныхъ сажени была вырыта безъ въѣзда, и пески выбрасывали сначала наверхъ, на деревянные полаты, а потомъ уже Тимка нагружалъ ими свою таратайку. Получалась двойная работа; но Бѣлохвосты были лѣнны и не хотѣли сдѣлать спуска въ забой, по которому таратайка могла бы въѣзжать въ самую яму.

— Ужо какъ-нибудь устроимъ...—говорилъ кривой Бѣлохвостъ почти каждый день.—Куды способнѣе будетъ. Вотъ у старика Ковальчука какъ ловко налажено, и у другихъ тоже. Вотъ ужо...

Этимъ дѣло и кончалось. Бѣлохвостъ любилъ поговорить и чистосердечно завидовать другимъ, у которыхъ какъ-то все точно само собой дѣлается.

— Ну, вотъ мы и дома, Кирюшка,—заявилъ дѣдушка Елизаръ, когда таратайка подкатилась къ ихъ забою.

Яма, въ которой работали Ковальчуки, была такой же величины, какъ и у Бѣлохвостовъ, съ той разницей, что можно было таратайку запячивать по спуску прямо на дно, гдѣ и грузились въ нее пески. Скоро подошли мужики. Собственно, въ забоѣ работали двое — отецъ Кирюшки, Парфень, и зять Фроль. Одинъ кайломъ выворачивалъ слежавшійся песчаный пластъ, а другой нагружалъ имъ таратайку. Это самая тяжелая работа, и старикъ Елизаръ только наблюдалъ и хлопоталъ около промывки. Раньше пески

отвозила на тарайкѣ Анисья, а теперь ее замѣнилъ Кирюшка.

— Ну, Кирюшка, пошевеливай, — проговорилъ отецъ, нагрузивъ первую таратайку синевато-сѣрымъ пескомъ, — вези бабамъ гостинцу... Онѣ тебѣ какое спасибо скажутъ.

Чалко отлично зналъ дорогу, вывезъ таратайку изъ забоя и началъ осторожно спускаться къ Мартьяну, гдѣ происходила промывка песковъ. Но на полдорогѣ онъ чуть не потерпѣлъ крушенія. Откуда-то съ боковой дорожки на него налетѣлъ Тимка, ѣхавшій къ себѣ въ забой уже съ пустой таратайкой.

— Эй, ты, ворона, берегись! — крикнулъ Тимка, размахивая вожжами.

Таратайки зацѣпились колесами, и Кирюшка едва усадѣлъ, а Тимка нарочно погонялъ лошадь, чтобы перевернуть таратайку Кирюшки.

— Перестань баловать, пострѣлъ! — крикнулъ съ промывки дѣдушка Елизаръ. — Вотъ ужъ я тебя, Тимка...

Тимка обругалъ Кирюшку, взмахнулъ вожжами и ускакалъ.

Промывка песковъ была устроена на самомъ берегу рѣки Мартьяна. Дѣдушка Елизаръ при помощи отводной канавы устроилъ маленькій прудокъ, изъ котораго вода по деревянному жолобу падала на вашгердтъ. Устройство вашгердта было самое простое: деревянный длинный ящикъ, съ открытымъ бокомъ и покатнымъ дномъ, прикрытый сверху продырявленнымъ, какъ терка, желѣзнымъ листомъ. Этотъ желѣз-

ный листъ называется грохотомъ. Содержащіе плотину пески сваливаютъ на грохотъ, изъ жолоба пускается на нихъ струя воды, рабочіе размѣшиваютъ эти пески коротенькими желѣзными лопаточками-скребками, помогая водѣ уносить глину и мелкій песокъ. Въ результатъ такой промывки на грохотъ остаются однѣ крупныя гальки, которыя сбрасываются въ сторону, а на покато́мъ днѣ деревяннаго ящика постепенно накапливается мелкій черный песочекъ, „шлихъ“, содержащій въ себѣ зерна платины. Платина и шлихъ тяжелѣе обыкновеннаго песка, и вода не можетъ ихъ снести.

Кирюшка подѣхалъ къ самому вашгердту, у котораго ихъ уже ждали мать, Дарья и Анисья. Дѣдушка Елизаръ снялъ прикрѣпленную позади таратайки палку, поддерживавшую откидное дно, и песокъ высыпался на землю.

— Ну, слава Богу, вотъ и сталъ ты, Кирюшка, теперь ужъ настоящій старатель,—ласково говорилъ старикъ, поднимая деревянное дно таратайки.—На твое счастье будемъ сегодня промывать платину...

Анисья и Дарья принялись дружно за работу, размѣшивая своими скребками пески на грохотѣ. Ефимъ подбрасывалъ имъ новыя порціи, а въ промежуткахъ накладывалъ въ ручную тачку перемывки, т.-е. скинутые съ грохота гальки и камни, и отвозилъ ихъ на ближайшую свалку. Дѣдушка Елизаръ поправлялъ платину, попорченную недавнимъ ливнемъ, и все что-то бормоталъ себѣ подъ носъ.

— Эхъ, кабы лошадь... вторую лошадь... Можно бы второй грохотъ поставить. Ей-Богу... Ефимъ бы съ Марьей стали орудовать у второго грохота, а я бы перемывки отвозилъ. Да... Вонъ у Шинкеранковъ какъ поворачиваютъ съ двумя-то лошадьми. Тоже у Кусяковыхъ, у Сотниковъ... Ахъ, кабы вторая лошадь!..

Мысль о второй лошади преслѣдовала дѣдушку Елизара уже цѣлыхъ десять лѣтъ. Вдвое бы работа закипѣла... Эту вторую лошадь онъ видѣлъ даже во снѣ. Но мечты такъ и остались мечтами. Семья была бѣдная и едва зарабатывала на хлѣбъ. Конечно, другимъ выпадало счастье, какъ Шкарабурамъ: напали на хорошую платину, и сразу вся семья поднялась на ноги. Сразу трехъ лошадей купили, избу новую поставили, младшаго сына женили,—однимъ словомъ, богатство.

— Эхъ, нѣтъ второй лошади...—думалъ вслухъ старикъ, наблюдая, какъ маленькій Кирюшка подвозилъ пески.

Кирюшка былъ совершенно счастливъ. Онъ почувствовалъ себя настоящимъ мужикомъ-старателемъ. На золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ старателями называютъ тѣхъ рабочихъ, которые занимаются работой отъ себя, т.-е. берутъ на пріискѣ небольшую дѣлянку, добываютъ изъ нея золото или платину и за условленную плату сдаютъ ее хозяину пріиска. На платиновыхъ промыслахъ въ описываемое нами время цѣна на старательскую платину стояла очень низкая, всего 25 копеекъ за золотникъ. При средней ровной добычѣ,